

Глава 1

Франция. Весна, 1437 год

Неуклюже приподнявшись, чтобы сесть, Найджел Мюррей не удержался и мучительно застонал. Ухватившись за голову, он сморщился, когда наткнулся на толстый слой грязи, облепивший его каштановые волосы. Даже тусклый рассвет показался чересчур ярким и заставил зажмуриться. Довольно быстро он понял, где находится, а разобравшись, скривился, очень недовольный собой. Оказалось, он даже не добрался до своей палатки, а рухнул перед ней и заснул.

— Хорошо, хоть не захлебнулся в этом дерьме, — проворчал он, с трудом вставая на ноги. В голове бухал молот. Каждый удар был такой силы, что мог свалить его с ног.

Потихоньку откуда-то до него стала доноситься тошнотворная вонь. Досада сменилась отвращением, когда он сообразил, что это был его собственный «аромат». Выругавшись, нетвердо ступая, Найджел направился в сторону речки, на берегу которой армия расположилась биваком. Надо было отмыться от запаха блевотины и вымыть голову, а также прополоскать мозги. Холодная вода могла помочь сделать и то и другое.

Жизнь пошла вразнос, заключил он, пока брел между деревьями. Если человек просыпается, развалясь в грязи, и при этом не помнит, как он там очутился, то такому человеку пора взять себя в ежовые рукавицы. Эта мысль уже приходила ему в голову, когда он вспоминал про некоторых своих соотечественников, которые в течение долгих семи лет сражались вместе с ним на стороне французов. Увы, ему никто не мог дать добрый совет, кроме него самого. Найджел понял, что дошел до точки. И если не изменит свою жизнь, тогда ему конец.

Выйдя к реке, он нашел мелководье. Скинул обувь, отстегнул ножны с мечом и вошел в воду. Быстро окунувшись с головой в ледяной холод, так и остался лежать в воде, устроив голову на отлогом берегу, покрытом шелковой травкой. Найджел вытянулся, закрыл глаза и стал ждать, когда вода холодом выбьет хмель из головы, а течением унесет зловоние, приставшее к одежде и к телу.

С той поры как он очутился во Франции, Найджел изо дня в день все сильнее глушил себя выпивкой и женщинами, которые немой чередой без лиц и имен приходили, уходили и бесследно исчезали. Беспутство прерывалось на время, когда надо было выступить против очередного противника — англичан или французов, все равно. Лишь бы щедро платили за умение владеть мечом. Найджел прекрасно понимал, что пока ему везет: после семи лет подобной дурости он все еще оставался жив. К примеру, этой ночью он мог бы заснуть лицом вниз и, будучи не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, так бы и утонул в луже. Мог бы с залитыми глазами забрести во вражеское расположение и лишиться там головы, даже не успев понять свою ошибку. Ему могли бы просто перерезать горло, а потом обобрать эти таинственные, возникающие в тем-

ноте фигуры, которые крадучись идут по следам за армией. Кстати, кое-кто из его однополчан тоже не побрезговал бы такой легкой добычей. Он все больше и больше увязал в этом странном сумасшествии, которое могло стоить ему головы любым из ста разных способов.

И ради чего? Этот вопрос нужно было задать самому себе. Поначалу вино и женщины требовались, чтобы облегчить сердечную муку, чтобы покончить с болью, которая заставила его бросить родной дом и оставить родовой замок Донкойл и Шотландию. Потом, как ему казалось, это перешло в привычку. Вино давало бесчувствие, отшибало все мысли, а женщины помогали справлять телесную нужду. Увы, пришел он к заключению, этого совсем недостаточно, чтобы так рисковать жизнью. Когда Найджел покидал Шотландию, он пообещал братьям, что не умрет во Франции на поле боя. И уж менее всего ему хотелось погибнуть тут в пьяном угаре.

От тяжелых мыслей и болезненного самокопания его отвлекли донесшиеся голоса. Найджел подобрал ноги и, усевшись, стал внимательно прислушиваться. Определив, откуда они доносятся, он подхватил сапоги и меч и, таясь, направился в ту сторону. Им двигало любопытство. А также какое-то извращенное желание убедиться, насколько низко он пал за эти семь лет.

Найджел чуть не наскочил на парочку, которую обнаружил неожиданно. Эти двое оказались даже ближе, чем он предполагал. Они стояли на небольшой полянке, какую можно было заметить, лишь случайно натолкнувшись на нее. Найджел быстро юркнул за какой-то небольшой ягодный куст. Укрытие было весьма хлипким, но двое на поляне так были заняты тем, что сами говорили и делали, что Найджел не сомневался: они не заметят его.

Молодого человека Найджел узнал сразу. Правда, ему потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить, как того зовут. Вторая хрупкая фигурка заинтересовала Найджела гораздо больше. Почему Ги Люсетт с таким жаром говорил с тоненькой черноволосой девушкой, одетой в неловко сидевший на ней мальчишеский костюм? Вид темных обрезанных локонов, горкой лежавших у ног, подсказал Найджелу, что шапочка кудрей на голове девушки — результат недавней операции с волосами. Глядя на них, он вдруг испытал щемящую жалость и удивился этому чувству. Найджел решил, что на его месте любой бы пожалел о длинных, роскошных локонах, безжалостно обрезанных и брошенных на землю. Иметь такие волосы — мечта любой женщины. Тут же возник вопрос: что заставило молодую леди поступить столь решительно? Он постарался сосредоточиться и вслушаться в разговор, с трудом поспевая за их беглым французским.

— Это сумасшествие, Жизель, — бормотал Ги, помогая ей зашнуровать перепачканные лосины из оленьей кожи и поношенный боевой жакет. — Нам скоро предстоит сразиться с англичанами. Здесь не место женщинам.

— Земли, принадлежащие семейству Дево, тоже неподходящее место для женщин. Особенно для такой женщины, — отрывисто произнесла девушка, коснувшись курчавой шапки волос тонкими беспокойными пальцами. — Могла бы убить его только вот за это.

— Тот человек уже мертв.

— А мне по-прежнему хочется его убить.

— Отчего это? Он же не обкорнал твои волосы и не просил тебя стричься.

— Мерзавец вынудил меня, вернее, вынудила его проклятая семья. Представить не могла, что семейка

Дево такая плодовитая. Куда ни глянешь, обязательно наткнешься на кого-нибудь из них, сидят под каждым кустом.

— И наверняка здесь, в этой армии, тоже есть какие-нибудь Дево, — тихо добавил Ги. — Неужели тебе такое не приходило в голову, когда ты придумывала этот безумный план?

— Приходило. — Она одернула дублет и провела маленькими руками спереди вдоль тела вниз, чтобы проверить, не топорщится ли ткань, выдавая женскую грудь. — Я также учла, что многие Дево знают или могут легко узнать, что ты — мой кузен. Но это не важно. Никто не додумается искать меня среди пажей, которые стаями носят здесь в лагере.

— Может, оно и так. Но я предпочел бы, чтобы ты была при мне. Лучше всего тебе оставаться в моей палатке, если не хочешь навлечь на себя подозрения. — Ги внимательно осмотрел плоды их трудов и удовлетворенно кивнул. — Надо, чтобы твои враги не выследили тебя и не обнаружили здесь. Иначе это верная смерть. За твою очаровательную головку Дево объявили хороший выкуп, и многие с радостью соблазнятся положить его себе в карман.

Найджел лениво прикинул, сколько Дево смогут дать за девушку, а потом пожал плечами. Ему было все равно. Он был заинтригован. Любопытство оживило его, наполняя жилы кипучей энергией. Впервые после отъезда из Шотландии ему стало интересно что-то еще, помимо собственных страданий и сражений на поле брани. И он наслаждался этим состоянием. В голове роились вопросы, а до ответов на них не было никакого дела. Нужно было просто продолжать слушать их разговор.

Ги и изящная молодая девушка, которую тот называл Жизель, закопали одежду и срезанные волосы в неглу-

бокую ямку и удалились. Найджел подождал, пока они скроются из глаз, а потом откопал все, что они попытались спрятать. В ее шарф он сложил волосы и брошенное женское платье и быстро отнес небольшой узел к себе. Покончив со всем, он направился в сторону маленькой палатки, которая принадлежала Ги.

Подобраться к ней незаметно не составило труда. В последней стычке с англичанами юный рыцарь потерял двух своих соотечественников и теперь занимал палатку один. Ги и Жизель явно пренебрегали бдительностью и не обращали внимания, следят за ними или нет. Любой из тех, кто охотился за девушкой, мог бы без труда захватить ее.

Разглядывая вход в палатку Ги, Найджел раздумывал, что предпринять дальше. Он стоял и удивлялся, глядя, так сказать, со стороны на себя: какое ему, в сущности, дело до того, что прирежут двух этих дураков? Но потом решил, что все, что уведет его в сторону от его кривой дорожки, идя по которой он терял самого себя, — благое дело. Вдобавок ему не было известно, что такого натворила эта парочка, чем заслужила смертный приговор. Речь в данном случае могла идти и о каком-нибудь незначительном факте. Его семья хорошо знала цену подобным ошибкам. Из-за простого недоразумения им пришлось встрять в длительную и кровавую междоусобицу. Погибла уйма прекрасных людей, прежде чем вся правда вышла на свет. Найджел вдруг сообразил, что не просто любопытство вызвало у него холодок при мысли об опасности, которая угрожает Жизели. Да, конечно, любой мужчина, у которого в жилах течет кровь, а не водица, не потерпит, чтобы такой прелестной девушке, как Жизель, что-нибудь угрожало, особенно по недоразумению, но это все равно не объясняло, почему он так сильно переживал за нее.

— Перестань дурить, Найджел, — проворчал он себе под нос, вышагивая перед палаткой Ги.

Никакого подходящего повода, чтобы подойти к парочке, на ум не приходило, и Найджел чертыхнулся. Либо действительно такого повода не существовало, либо разум до сих пор оставался под воздействием алкогольных паров и не в силах был придумать ничего стоящего. Самое лучшее просто вломиться к ним, подумал он, и с громким приветствием шагнул в палатку Ги.

Вытаращившись и широко открыв рты, хозяева смотрели на него с таким удивлением, что Найджел не выдержал и улыбнулся. Если бы вместо него сюда ворвался кто-нибудь со злым умыслом, от Ги было бы мало проку. Он явно не отличался быстротой реакции. Но наконец парень пришел в себя. Найджел улыбнулся еще шире, увидев, как Ги схватился за меч, одновременно заслоняя собой Жизель.

— Это ни к чему, — произнес Найджел по-английски, молясь про себя, чтобы они поняли его речь. Французский у него был настолько плох, что редко кто понимал Найджела, когда он пытался выразить что-нибудь на этом языке. Он вытянул руки ладонями вперед, показывая, что не собирается хвататься за оружие.

— Разве? А зачем тогда нужно вот так врываться? — потребовал ответа Ги.

Оставив без внимания острый укол зависти, оттого что Ги мог говорить по-английски лучше, чем он по-французски, Найджел посмотрел на Жизель, которая украдкой разглядывала его из-за широкой спины кузена. У нее были огромные, прекрасные, зеленые глаза. Такие глаза он видел до этого только у одной женщины семь лет назад.

— Самое странное то, что ваш паж прячется у вас за спиной и не собирается вытаскивать свой меч, — лениво протянул Найджел. Он коротко рассмеялся, увидев, как

от удивления широко открылись темные глаза Ги. Молодой человек тихо выругался. — Можно, конечно, девочку переодеть в мальчика, и на это почти никто не обратит внимания, особенно если не приглядываться, но стоит не забывать, что и держать себя с ней тогда нужно по-другому.

Страх холодком коснулся Жизели. Потом она смутилась. Первой пришла мысль, что этого красивого шотландца наняли Дево. Но никакой угрозы не чувствовалось в том, как он приятно улыбался, как расслабленно тянул слова. Несмотря на то что она лишь на короткий миг заглянула в его темно-янтарные глаза, Жизель сумела заметить в них только веселость и любопытство. Этот его взгляд начал сразу раздражать, потому что она не видела ничего веселого в своем ужасном положении, тем более если какой-то скупающий рыцарь собирался еще развлечься на ее счет. Ее жизнь висела на волоске.

Несмотря на растущее раздражение и бесцеремонное вторжение шотландца, она не могла не обратить внимания на его внешность. Он был высоким, крепко скроенным и хорошо сложенным, что только подчеркивала мокрая одежда, прилипшая к мускулистому телу. Влажные волосы крупными завитками лежали по широким плечам. Часть из них уже высохла и золотилась, совпадая с цветом глаз. Ее взгляд задержался на его лице. Он не брился несколько дней и выглядел утомленным, но все равно он был одним из самых красивых мужчин, которых она когда-либо встречала. У него были высокие скулы, крупный прямой нос, не расплющенный, как у большинства рыцарей, сильный подбородок и изысканно очерченный рот, который, не сомневалась Жизель, привлекал множество женщин своей теплотой и мягкостью. Она очень удивилась, испытав вдруг горечь, когда увидела морщины от злоупотребления вином и, вероятно, от потакания прихотям

собственной плоти. Ей уже доводилось видеть такие складки на лице собственного мужа. Что же это были за заботы, которые заставили такого сильного и красивого шотландца находить забытье в вине и женщинах?

Их взгляды встретились, и Жизель вспыхнула. Она рассматривала его так пристально и так долго, что он не мог этого не заметить. В замешательстве Жизель тотчас отвела глаза. Всего секунда ей потребовалась, чтобы собраться и вновь возбудить в себе раздражение его совершенно неуместной веселостью. Когда она снова посмотрела на него, он лукаво улыбнулся, и ей стоило труда не выдать своей досады.

— Учитывая, что я вот только что поменяла обличье, не могли бы вы сказать, как вам удалось узнать об этом? — требовательно спросила она.

— Я сидел в реке.

— Черт! — пробормотала она и взглянула на него, когда он рассмеялся. — Значит, вы шпионили.

— Ничуть. Просто мне нравится ходить чисто вымытым.

Она предпочла оставить без внимания такое очевидное легкомыслие и вышла из-за спины Ги.

— Тогда, если вы не выслеживаете меня, какое вам дело, в кого я переделась или как я должна быть одета?

— Любопытство очень сильная штука.

— Но вы ведь большой и сильный рыцарь, поборите его.

— Жизель, — прошептал Ги, отводя ее за локоть в сторонку, — нужно узнать, что он хочет, прежде чем ты начнешь тренировать на нем свое остроумие, — сказал он на французском.

— Я говорю по-французски, — на французском же пробормотал Найджел, и парочка одновременно вскинула на него глаза.

— К сожалению, — откликнулась Жизель и выругалась, когда Ги толкнул ее локтем.

— Я ведь вас знаю, не так ли? — Ги нахмурился, глядя на Найджела.

— Чисто внешне. — Найджел слегка поклонился. — Сэр Найджел Мюррей.

— Сэр Ги Люсетт. Моя кузина — Жизель Дево. Вы собираетесь раззвонить о нашей хитрости? Или потребовать платы за молчание?

— Вы раните меня в сердце. — Найджел не стал обижаться, понимая, что его поведение подозрительно. — Клянусь честью своего клана, мое вторжение — всего лишь следствие любопытства.

— Такое слепое следование прихоти может с легкостью довести вас до беды. — Ги, однако, вложил меч в ножны. — Боюсь, на этот раз мы не сможем удовлетворить вашего любопытства.

— Разве?

— Увы! — подтвердила Жизель. — Это не ваша забота. И вообще не ваше дело.

— Неужели вам не нужна помощь? Еще один меч, чтобы прикрывать вам тылы? — Найджел обратил внимание, как нахмурился Ги, оценивая предложение, но вот Жизель не колебалась.

— Это семейное дело, сэр, — сказала она. — И нам не требуется помощь.

— Правда? Вы только начали свою игру, а я уже раскрыл ее.

— Исключительно потому, что следили за нами.

— А вдруг я был не один такой? — мягко произнес он, пытаясь донести до нее суть того, что он обнаружил их и присутствует здесь.

Ги побледнел, и Найджел одобрительно кивнул ему, обрадовавшись, что молодой человек понял его. Было

безумно интересно наблюдать за Жизелью, в которой боролись волнение с досадой. Здравый смысл должен был подсказать им, что они не обойдутся без посторонней помощи. Но Найджел знал, как много всего может стоять на пути у здравого смысла. Они не были знакомы с ним, Ги только встречал его. Поэтому как они могли довериться ему? А тут еще и гордость, которой, по его мнению, у этой парочки было в избытке. Гордость не позволит признаться, что они нуждаются в помощи. Найджелу оставалось только надеяться, что молодые люди не останутся слишком долго в плену у подозрительности и гордыни.

— Не сомневаюсь, мы заметили бы, если бы лес вокруг был нашпигован соглядатаями, — не унималась Жизель. Она поморщилась, когда Ги еще раз чувствительно двинул ее локтем.

— Сэр Мюррей, я понял, что вы попытались донести до нас, — заявил Ги, взглядом поспешно останавливая Жизель, которая порывалась вставить свое слово. — Конечно, нам придется вести себя более осмотрительно и не забывать действовать с оглядкой.

— Но от моей помощи вы отказываетесь.

— Я должен отказаться. Это не ваши проблемы. Было бы неучтиво вовлечь вас в самую гущу наших бед.

— Даже если бы я сам пожелал оказаться там?

— Именно так.

Найджел пожал плечами:

— Ну, как хотите.

— Мы искренне благодарим вас за сердечное участие.

— Мы? — переспросила Жизель кузена. В ответ Найджел улыбнулся, а Ги проигнорировал ее вопрос.

— Несмотря на учтивый отказ от моей помощи, — сказал Найджел, — предложение остается в силе. Вы знаете, где меня найти, если передумаете.

Он слегка поклонился и вышел. Отойдя немного от палатки, Найджел остановился и оглянулся.

Надо было вернуться, укрыться и послушать, о чем они там говорят. Но, немного подумав, он замотал головой. Теперь они наверняка станут более осторожными, будут переговариваться шепотом, тщательно выбирая слова, чтобы их было невозможно подслушать. Ему оставалось только ждать и надеяться, что они обратятся к нему до того, как все, чего они боялись, наступит их.

— Может, мы и не правы, — тихо проговорил Ги, закрепляя полотнище, прикрывавшее вход в палатку.

— Нет, нам не нужен шотландец со своей помощью. — Жизель уселась на сундучок, покрытый попоной.

— Как ты, однако, уверена в моих возможностях защитить тебя. — Ги присел перед ямкой, обложенной камнями в центре грязного пола, и стал разводить огонь.

— Ты самый искусный и самый честный из рыцарей.

— Благодарю за столь высокую оценку. Но моя репутация много скромнее и была заработана в сражениях и в честной борьбе. А это совсем другое. Я единственный, кто стоит между тобой и настоящей ордой одержимых мезью Дево со своими приспешниками, которые даже не знают, что такое поступать честно. Еще один меч нам бы очень сгодился.

— Мы же не знаем, воспользуется ли он своим мечом, чтобы помочь нам или передать нас в руки врагов. Шотландец может быть одним из наемников Дево.

Ги покачал головой:

— Верится с трудом.

— Ты ведь не знаешь его.

— Это правда. Но я ничего дурного не слышал о нем. Нам не нужно отказывать ему.

Жизель выругалась про себя и провела рукой по недавно остриженным волосам. Ей не верилось, что сэр Мюррей может сделать им что-нибудь дурное, но она боялась, что ее мнение могло зависеть от его красивого лица и красивых глаз. То, что Ги тоже доверял этому мужчине, немного успокаивало. Слишком долго она находилась в бегах, чтобы с легкостью довериться кому-нибудь, даже исходя из собственных впечатлений. Многие из ее непосредственного окружения, поверив обвинениям в ее адрес, отвернулись от нее. Так что с чего бы какой-то незнакомец, человек вообще из другой страны, стал предлагать ей помощь? Будет ли он настаивать на этом, когда узнает, почему Дево охотятся за ней или сколько они предлагают за ее поимку?

— Значит, мы не будем сбрасывать его со счетов, — подумав, сказала она. — Но не будем и слепо уповать на то, что он наш друг.

— Иногда мы бываем чересчур подозрительны, кузина.

— Это так, но давай не будем забывать, почему я в бегах. Сэр Мюррей может перестать быть таким дружелюбным и с готовностью предлагать помощь, как только узнает причину нашей осторожности и этого маскарада. — Она выдавила улыбку. — Многие мужчины считают непростительным, когда жена убивает своего мужа.

— Но ты ведь не убивала его.

— Дево считают, что это сделала я. Многие из наших родственников — тоже. Почему какой-то иностранец должен мне поверить больше, чем они? — Она покачала головой, когда Ги поморщился и тихо чертых-